

*РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

В.И.Зимин

*Московский государственный педагогический университет
г.Москва*

**ОЦЕНОЧНО-ЭМОТИВНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Для успешного изучения фразеологических единиц необходимо проделать параметрический (макрокомпонентный) анализ семантической структуры фразеологизмов, выделение макрокомпонентов, отражающих структуризацию фразеологического значения по типам передаваемой информации; такие компоненты могут быть изолированы в структуре фразеологического значения и выделены через семантические оппозиции фразеологических единиц. Взятые же в их синтезе, они довольно полно репрезентируют семантику фразеологических единиц. В семантической структуре фразеологизмов выделяются следующие макрокомпоненты: денотативный (дескриптивный) (этому макрокомпоненту соответствует обозначаемое как объективно существующий класс признаков, задающий «контуры» фрагмента действительности, той ситуации, которая имеется в действительности), грамматический макрокомпонент семантики (он отображает все грамматические, или кодовые, свойства идиом), оценочный макрокомпонент (он несёт информацию о ценности того, что отражается в денотативном содержании идиомы, при этом «оценивающий» субъект соотносит с ценностной картиной мира всё, что случается или происходит в мире и отражено в идиомах), мотивационный макрокомпонент (его принято соотносить с тем феноменом, который в современной лингвистике называется внутренней формой наименования (не важно какого: слова или фразеологизма), а также – с фразеологической картиной мира), эмотивный макрокомпонент (он

объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому; эмотивность проявляет своё действие на шкале «одобрение – неодобрение», это крайние точки шкалы, между которыми располагаются другие характеристики типа презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, ласкательность, ирония, насмешка и т.п.), стилистический макрокомпонент (главное для этого макрокомпонента – это функционально-стилистическая маркированность, которая регулируется фактами социального характера – она указывает на уместность/неуместность употребления идиомы в той или иной сфере коммуникации. Суммирование (синтез) информации, исходящей от всех макрокомпонентов фразеологизма, адекватно представляет семантическую структуру фразеологизма.

В нашей статье будут описаны оценочный и эмотивный макрокомпоненты, создающие амбивалентность фразеологизмов в прагматическом аспекте.

Оценочный компонент, повторяем, несёт информацию о ценности того, что отображено в денотативном содержании идиом. Формирование фразеологизмов происходит на базе некоторых исходных жизненных ситуаций (обиходно-бытовых, сентенциональных и даже алогичных). Буквальный план фразеологизма, буквальное прочтение его (сознательное или бессознательное – всё равно), а также образ («гештальт») фразеологизма – все это провоцирует эмоциональное и тем самым оценочное восприятие фразеологизмов. Так как фразеологизмы, как правило, образны, то их образование не может не сопровождаться качественной или количественной оценкой денотативного содержания. Например, в идиоме *не находить себе места* в сферу оценки попадают такие свойства денотата, как беспокойство, тревога, волнение человека и поведение его соответственно ситуации, рисуемой буквальным прочтением идиомы, что и вызывает оценку «считай, что это «плохо»; в идиоме *кровь с молоком* в сферу оценки попадают такие свойства денотата, как «здоровый», «краснощёкий» человек, что провоцирует оценку «считай, что это «хорошо».

«Оценка зависит от денотации» [1, с.74], денотативное содержание фразеологизма является основой создания оценочного отношения говорящего индивида, а этот последний соотносит свои оценки с ценностной картиной мира, установившейся в том языковом социуме, в котором живёт индивид и в котором протекает его мыслительно-речевая деятельность.

По отношению к денотативному содержанию идиом оценочный компонент занимает «последующее» положение: свойства обозначаемого – повод (мотив) для оценки, но не наоборот: оценка как бы надстраивается над денотативным содержанием, играя в семантической структуре идиомы роль сильного оценочного ореола и идиомы и всего высказывания, содержащего идиому.

Оценка имеет довольно сложную структуру. Исследователи отмечали прежде всего такие компоненты структуры оценки, как «эксплицитный или имплицитный субъект оценки, обозначающий лицо или социум, с точки зрения которого даётся оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также «точка отсчёта», включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы» [2, с.23].

Кроме этих основных компонентов структуры оценки, можно назвать ещё некоторые признаки, в частности, аспекты оценки, указывающие на признаки объекта, по которым он оценивается, оценочные критерии и мотивировки, классификаторы, указывающие на аспект оценки, различные интенсификаторы и деинтенсификаторы и т.п.

Фразеологизмы с оценочным значением связаны с ценностным картированием мира. Ценностная же картина мира определённого социума (в нашем случае – русского) включает набор и иерархию ценностей, выражающихся в оценках, предполагает наличие оценочных стереотипов и норм (что хорошо, что плохо), оценочной шкалы и ориентировки оценки. В целом аксиологию оценки можно представить в наборе следующих понятий: «ценность – явление внешнего или мыслительного мира, получившее наиболее позитивную оценку; оценка – акт человеческого сознания (закрывающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в

жизнедеятельности субъекта) и его результаты, которые закрепляются в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения; оценочный стереотип – устойчивая реакция на сходные ситуации (одобрение, осуждение, безразличие); норма – положение, соотносимое с позитивной оценкой социума и приписываемое предмету оценки его представителями; оценочная шкала – упорядоченное положение ориентиров оценки (ценностей, оценок, символов, образов, образцов, идеалов, норм, правил) относительно друг друга, регулирующее оценочную деятельность» [3, с.6-7].

Оценочный компонент идиомы так или иначе связан с информацией о ценности, которая отображается в денотации идиомы. При этом выражение оценки может осуществляться либо в нейтрально-логической норме, либо в экспрессивно-эмоциональной. Что касается фразеологических единиц, то в них оценка как правило выражается в экспрессивно-эмоциональной форме: см., например, *зарывать/зарыть талант в землю* – «губить, не использовать способности, природный дар (говорится с неодобрением)», такая денотация и эмотивность неодобрения вызывает оценку «считай, что это «плохо»; *рвать (разрывать) на части* – «наперебой приглашать, просить, домогаться, не давая покоя (говорится с неодобрением). Подразумевается, что выполнить всё это одновременно невозможно, такая денотация (буквальное прочтение образной основы фразеологизма) и эмотивность вызывают оценку «считай, что это «плохо»; *расти/вырасти в глазах кого, чьих* – «обретать высокую оценку в чьём-либо мнении, приобретать уважение (говорится с одобрением). Имеется в виду оценка какого-либо заслуживающего уважения поступка или ряда действий, такая денотация и эмотивность вызывают оценку «считай, что это «хорошо».

Несмотря на казалось бы очень тесное соединение оценки и эмотивности фразеологизмов, они существенно различаются. Сопоставим их.

Оценка действует в контексте мнения, в диапазоне «хорошо – плохо». Оценочная шкала «хорошо – плохо» является основой той модальной рамки,

которую оценочность «задаёт» высказыванию. Оценку принято записывать в форме суждения о ценности, ей приписывается когнитивный маркер «считай, что это «хорошо»/«плохо», что объект оценки «хороший»/«плохой» или «больше»/«меньше» нормы, при этом приписывание оценки осуществляется по определённым признакам, выделяемым по определённому аспекту. Например, фразеологизм *выживать/выжить из ума* – «перестать соображать, здраво мыслить, поглупеть от старости (говорится с неодобрением)» в аспекте интеллектуальных способностей человека даёт негативную оценку («считай, что это «плохо») человеку по признакам глупости (поглупения), умственной недостаточности; фразеологизм *дубина стоеросовая* – «дурак, болван (говорится с пренебрежением)» в аспекте интеллектуальных способностей человека даёт негативную оценку («считай, что это «плохо») человеку по признаку полного отсутствия ума; фразеологизм *крыша едет/поехала*, у кого – «теряется способность здраво соображать и разумно действовать (говорится с неодобрением)» в аспекте интеллектуальных способностей человека даёт негативную оценку («считай, что это «плохо») человеку по признаку его способности думать и действовать и т.п.

Эмотивность действует в контексте чувства-отношения, в диапазоне «одобрение – неодобрение». Эмотивная шкала «одобрение – неодобрение» является основой той модальной рамки, которую эмотивность «задаёт» высказыванию. Эмотивность обязательно имеет ассоциативно-образное основание идиомы (не важно какое: зрительное, акустическое, «умозрительное» и т.п.) как стимул для появления эмоциональной реакции: без этого стимула эмотивность фразеологизмов не возникает, оценка не имплицитно чувств-отношений в диапазоне «одобрение – неодобрение». Эмотивному компоненту фразеологических единиц приписывается когнитивный маркер «испытай... одобрение / неодобрение / презрение / уничижение и т.п.». Эмотивный компонент фразеологизмов, как мы уже говорили, объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому.

Основное различие между оценкой и эмотивностью заключается в том, что оценка выносит приговор-мнение («считай, что это «хорошо/плохо»), а эмотивность говорит об одобрении/неодобрении (презрении, пренебрежении, унижении и т.п.) в эмоционально-окрашенном спектре («испытай... одобрение/неодобрение/презрение/унижение и т.п.»), имея под собой ассоциативно-образную мотивацию как эмотиогенный источник и стимул.

Оценочный компонент является данностью семантической компетенции говорящего, поскольку суждения о ценности связаны с ценностной «картиной мира». Ценностная картина мира создаётся обычно в определённом языковом социуме. С прагматической точки зрения здесь часто возникает очень сложная картина, связанная с тем, что в языке наличествуют оценки, выражаемые всеми говорящими в данном коллективе, а в речи могут быть оценки, выражаемые отдельной личностью и имеющие потому личностную окраску. Говорящий субъект, чтобы быть понятым членами того же говорящего коллектива, не может выйти за рамки принятой в данном обществе ценностной картины мира: быть понятым адресатом – это сущность коммуникативной ориентации речи. И тем не менее говорящий субъект часто в речи выражает свои оценки (имеет на это право!). Это создаёт тонкую прагматическую игру в употреблении фразеологизмов, приводя к амбивалентности оценки, выражаемой во фразеологизмах. Дело в том, что значение идиомы является результатом взаимодействия всех компонентов семантики: денотации, оценки, мотивации, эмотивности, стилистического компонента, вместе взятые они образуют сигнификат (план содержания). Сигнификат «закреплён узусом употребления за определённым звукорядом (планом выражения, соотносимым с сочетанием слов) и указывает на референциальный потенциал идиомы – знака (применительно к классу референтов – на его денотацию), т.е. на объективную действительность, и на прагматический потенциал знака, т.е. на включённую в знак интерпретацию обозначаемой действительности говорящим и/или слушающим» [4, с.20]. Именно интерпретация действительности, т.е. денотативного содержания идиомы, может быть различной со стороны как

говорящего, так и слушающего, при этом различная интерпретация одного и того же денотативного содержания может зависеть от Я-ТЫ-ОН-грамматики, от стратегических целей говорящего в данном речевом акте, от "сиюминутного" настроения говорящего и слушающего, наконец, от эмпатии актантов речевой ситуации. Ср., например, употребление фразеологизма *вешать лапшу на уши*. В целом в этом фразеологизме сообщается о том, что некто (лицо или социальный коллектив) сознательно вводит в заблуждение другое лицо (или социальный коллектив), распространяет некую ложную информацию как достоверную [4, с.20]. В этом фразеологизме ещё содержится сведение о том, что эта информация не только лживая, но примитивно лживая и что она внушается наглым и циничным образом (эта часть значения идиомы базируется на ассоциативно-образном прочтении «буквального» значения идиомы). В прагматическом аспекте выбор этого образного основания предопределяется необходимостью выразить рационально-оценочное отношение субъекта по моральному аспекту. Оценка «считай, что это «плохо» относится прежде всего к обману по поведенческому аспекту, к способу сокрытия истины и образу «затуманивать мозги» и т.п. А самое главное, что внутренняя форма этой идиомы, т.е. образ, «гештальт-структура» работает не только на создание объективного значения, но и выступает в качестве стимула для эмоциональной оценки или эмотивности. Содержание же эмотивности – «это отображение того состояния души, которое испытывает субъект речи, использующий идиому, и которое неслучайно в словарях выражается с помощью помет презр., пренебр., уничиж. и т.п.» [4, с.21]. Информация, исходящая от эмотивного компонента идиомы, способна выражать иллюкутивную силу, свидетельствующую о том, в какое состояние говорящий хочет привести адресата, а также и третье лицо. Отсюда в речи возникает амбивалентность в употреблении идиомы или эмотивная полисемия, т.е. возможность одной и той же идиомы выражать в речи различные эмотивные отношения. См., например, «*Средства массовой информации опять вешают народу лапшу на уши*» (пример взят из разговора) – это осуждение за пренебрежение к народу; «*Что ты мне лапшу на уши*

вешаешь?» – обвинение за пренебрежительное отношение; *«Зачем ты ему лапшу на уши вешаешь?»* – осуждение говорящим своего партнера, по диалогу за пренебрежение к третьему лицу (ему), к которому говорящий относится сочувственно. Другой пример: **тёртый калач**. В словарях значение этого фразеологизма обычно определяется как «об опытном, бывалом человеке, которого трудно обмануть». В речи же этот фразеологизм приобретает различные прагматические характеристики в зависимости от ситуации речи, пресуппозиций речевого акта и т.п. *«Впрочем, Виктор говорит только то, что теперь говорит целый город, – прибавил Верёвкин. – Как тёртый калач могу вам дать один золотой совет: никогда не обращайтесь внимания на то, что говорят здесь про людей за спиной»* (Мамин-Сибиряк, «Приваловские миллионы»); здесь одобрительное признание своей опытности говорящим субъектом. *«Ай да старик Кутузов! Поддел Бонапартия, как ни хитрил француз! – Михайло Ларивоныч – тёртый калач: он и турка объегорил!»* (Л.Раковский, «Кутузов»); здесь одобрение, похвала, исходящая от говорящего субъекта, третьему лицу (Кутузову). *«Хорошо, что ты попал в нашу сотню, тут у тебя и брат и я... Я, паря, не хвастаясь скажу, что калач я тёртый»* (К.Седых, «Отчий край»); здесь похвала говорящим самому себе, самореклама. *«Филиппов не из мелочей, царю он стряпал торты, жирел с продажи калачей и сам калач был тёртый»* (В.Маяковский); здесь ирония по отношению к Филиппову. Ещё пример: **Филькина грамота** – «фальшивый или не имеющий силы документ». По своему происхождению этот фразеологизм обязан Ивану Грозному, который во время царствования преследовал московского митрополита Филиппа, выступавшего против бесчинств царя: царь презрительно называл разоблачительные послания митрополита Филькиными грамотами. Филька – глупый, недалекий человек. В речевых актах этот фразеологизм может вызвать различные прагматические характеристики. См. *«Это не документ, а филькина грамота, – с возмущением / гневом / недовольством / пренебрежением... сказал он»*. Однако в этом последнем случае, кажется, невозможно изменить эмотивный знак «минус» на «плюс»:

оценочно-эмотивная характеристика фразеологизма в любом случае остается в границах «неодобрительного» и «плохого».

Амбивалентность оценочно-эмотивной характеристики фразеологизма проистекает по причинам того, что у него есть способность нести информацию об иллокутивной силе и что эта информация в любом случае зависит от структуры речевого акта. Информация же об иллокутивной силе – «это результат «внедрения» в значение того чувства-отношения (как состояния души), которое в конечном счете и регламентирует выбор идиомы [5, с.21].

В заключение наших рассуждений об амбивалентности фразеологических единиц скажем, что семантика и оценочного и эмотивного компонентов адекватна их прагматическому статусу. Как пишет Е.Д.Арутюнова, аксиология «гуманизирует» объективное: последнее, получая знак «+» или «—», который и становится темой сообщения, теряет объективный статус, поскольку оценочные предикаты сами по себе уже обладают иллокутивной силой [1, с. 26]. Значение оценочного компонента обычно представляют в виде суждения «говорящий считает, что... это «хорошо» или «плохо» («хороший» или «плохой»), из которого видно, что оценка «охватывает» всё суждение, выраженное предложением с фразеологизмом, содержащим оценку. В речи, таким образом, объективное содержание (общеязыковое, узуальное) перекрывается субъективным. В этом заключается механизм взаимодействия между объективным и субъективным, механизм сугубо прагматический, предполагающий обязательное «участие» говорящего субъекта. Прагматическая сущность оценочной деятельности выражается, таким образом, в том, что обозначаемые оценочно маркированных фразеологизмов (а оценочно маркированы практически все фразеологизмы-идиомы) не могут быть объединены в классы, поскольку признаки денотативного содержания здесь являются не существенными для собственно интенциональной семантики оценки: не существует класса «тёртых калачей», «старых воробьёв», «стоеросовых дубин» и т.п., но любой человек может быть квалифицирован как тёртый калач, старый воробей, дубина стоеросовая и т.п. И многие

фразеологические единицы (например, *тертый калач*, *старый воробей*) в различных прагматических условиях употребления обнаруживают часто очень широкую амбивалентность, оценочно-эмотивную полисемию, свидетельствуя об исключительно богатом прагматическом потенциале фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. От образа к знаку. // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988.
2. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков). Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград. 1997.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
4. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., «Наука». 1991.
5. Телия В.Н. Активные зоны в Автоматизированном толково-идеографическом словаре русских идиом (система АТИСИ) // Лингвистическая прагматика в словаре. Виды реализаций и способы описания. Сб. статей. СПб, 1997.

Н.Г.Архипова

*Амурский государственный университет
г.Благовещенск*

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЗДОРОВЬЕ» – «БОЛЕЗНЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В современной гуманитарной науке проблема этнического самосознания как важного элемента этнического определения нации остается актуальной. Одним из ключевых понятий, с помощью которого в настоящее время моделируется «культурное самосознание» наций, является термин «картина мира». «Картина мира – это образ мира, лежащий в основе мировидения человека, выступающий в качестве регулятива жизнедеятельности, проявляющийся в поведении человека» [1, с. 3].

Поскольку картина мира, в том числе и языковая, является фундаментальным понятием концепции человека, выражая специфику его существования в сложных взаимоотношениях с собой и с окружающим миром,